

АЛЕКСЕЙ КОЛОМИЕЦ

ГИМН РАБОЧЕМУ ЧЕЛОВЕКУ

О творчестве А. И. Люкина

Неоднократно хотелось мне написать эссе об Александре Ивановиче Люкине, удивительном нижегородском поэте. Я вновь и вновь перечитывал его стихи. Знакомился хоть и с немногочисленными, но, надо сказать, обстоятельными статьями о нём Н. Барсукова и Л. Безрукова (вышедшими в далёкие 60–70-е годы прошлого столетия). С большим интересом изучил работу Л. Калининой о Люкине, опубликованную в Нижнем Новгороде совсем недавно. Это добротный, основанный на глубоком знании жизни Александра Ивановича и его творчества материал. Читал я и другие интересные работы, в частности, Н. Симонова. Но почему же у меня всё настойчивее вызревает желание попытаться написать о нём вновь? Меня занимают вопросы: “Что я могу сказать нового, свежего? Что я обнаружил, почувствовал в его строчках – важное и значимое для себя?”

Вроде бы всё уже сказано: и о самобытном поэтическом таланте Люкина, и о чрезвычайно серьёзном его отношении к своему творчеству, и об остроте поэтического взгляда, и о виртуозном владении простыми деталями. Слова “талантливый самородок” как нельзя более точно определяют именно его. Ведь он сам себя создал – “родил” как поэта – само-родок!

И всё же почему он так сильно притягивает меня, почему я раз за разом перечитываю его строки? Почему его стихи непременно высекают из меня слёзы сопереживания, сопричастности? И дело не в каких-то особых формальных красотах, в неких изысканных новаторских приёмах. Нет, этого у него нет совершенно.

Если уж совсем скрупулёзно оценивать поэтическое мастерство Люкина, то можно заметить у него и большое количество глагольных рифм, местами разорванную ритмику, отсутствие ярких, пышных красок, метафор, эпитетов. Всё, казалось бы, предельно просто. И в то же время строчки разят меня в самое сердце, возникает ощущение близости, родства с его мироощущением. Большинство его стихотворений заканчиваешь читать с комком в горле, а то и со светлой слезой. Кажется мне тогда, что всё, о чём он пишет так сдержанно, но и так проникновенно, я уже видел, чувствовал. Я узнаю этих людей, его лирических героев. Это моя родня: отец и мать, бабушки и дедушки, мои дяди и тётки, окружение. Стихотворение “Отец”:

КОЛОМИЕЦ Алексей Маркович — российский учёный, геолог, писатель. Автор девяти книг поэзии и книги прозы. Член Союза писателей России. Член редколлегии литературно-художественного журнала “Вертикаль, XXI век”. Живёт в Нижнем Новгороде.

*Он пахнет дымом,
Маслом и железом,
Он кажется и сам
Железным вдруг:
Когда детишки
На руки полезут,
То ясно чувствует
Железо рук.*

*Но он для них
Единственный на свете
И что жестки ладони —
Ничего.
Он очень ласков.
И рождаются дети
От несказанной
Нежности его.*

Образы этих скромных, застенчивых, как принято почему-то говорить, — “простых” людей поразительно точны у Люкина, узнаваемы. Мы, те, кто жил в прошлом столетии, сами их видели. Они знают цену плодотворному труду, рабочему и крестьянскому. Обладают чувствами высокой ответственности и долга, но и основательным чувством собственного достоинства. Вот как пишет о них Люкин:

*Кто видел солнце
В час его восхода?
Его мой друг
Из синего тумана
За корпусами
Нашего завода
В час утренний
Вытягивает краном.
<...>
Я верю в них,
Они такое могут,
Огромное,
Повесили на крюке,
Попятились.
Помедлили немного
И вот о фартук
Вытирают руки.*

Со скупой, но огромной симпатией пишет об этих людях Александр Иванович, потому что он сам такой! Он плоть от плоти их, он наследник их врожденной глубокой нравственности, целомудрия, удивительного трудолюбия и искреннего уважения к нелёгкому рабоче-крестьянскому труду. Он и любит их не изысканно-страстно, а предельно уважительно, любовно-жалостливо к женским образам; поэт наполнен той самой “жалостью”, о которой и пишут, и поют на Руси. Стихотворение “Счастье” — пример такой высокой жалости:

*На всю семью она стирала,
На всю семью она варила.
И если тяжело бывало,
То никому не говорила.
<...>
И если чем поможет детям,
То просветлеет от участия.

Бывает же на белом свете
Красивое такое счастье!*

А ещё есть у Люкина трогательные стихотворения “Горе”, “Мадонна с молоком” и множество других. В героинях А. И. Люкина я узнаю моих не умевших писать, но мудрых и чистых душою бабушек Федору и Пелагею, с достоинством переносивших тяготы жизни, нужду и несчастья, с мудростью, терпением и неистребимым чувством долга. Вот они, встают во весь рост в произведении “Во вторую смену”:

*Встала утром,
Убрала кровать,
На базар сходила,
Щи сварила,
Собрала дочурку
Погулять,
Напоила всех
И накормила.*

*Разогнула
Спину от полов,
Поглядела
На часы тревожно.
“Слава те... —
Подумала без слов. —
Вот теперь
И на работу можно”.*

Узнаю я отчётливо и в Александре Ивановиче, и в его отце своего отца — крестьянского сына с Украины с одним классом церковно-приходской школы, сумевшего самостоятельно, настырным трудом пробить себе достойную большого уважения дорогу в жизни. С моим отцом не было смысла спорить или даже не согласиться, когда он строго и сурово размышлял о каком-то событии, явлении, человеку, настолько мудро и прозорливо он рассуждал. Вот эту неброскую, сдержанную, но истинно народную, веками воспитываемую поколениями предков мудрость ощущаю я и у А. Люкина.

Немало в России мастеровитых поэтов старшего и молодого поколений, но такого трепетного, глубоко прочувствованного, выразительно точного и уважительно выписанного образа трудового человека я не встречал ни у кого.

А что уж говорить о нынешних поэтах! При всех достоинствах их технического мастерства (если таковые имеются) большинство из них, за редким исключением, погрязли в мелкотемье, в поэтических штампах, в самокопании.

Другая важнейшая тема поэзии Александра Ивановича — война, которую он прошёл рядовым солдатом. Люкин писал о военных солдатских событиях и впечатлениях такие пронзительные и бьющие в сердце строки, как “Фронтая дружба”, “Если это забуду” и многие другие:

*Говорят, что с фронта он пришёл
Хмурый, неприступный и тревожный:
Только тронь — взрывается, как тол.
Мол, с таким работать невозможно.*

*Больно уж в суждениях быстры.
Мы-то ведь на фронте тоже были
И из тола делали костры,
И спокойно валенки сушили.*

О творческой манере, поэтическом мастерстве А. И. Люкина, его необычайном упорстве в поиске образа, рифмы, строки другие уважаемые критики написали достаточно. Я хочу лишь отметить одну значительную, характерную особенность поэзии Александра Ивановича, свидетельствующую о его незаурядном мастерстве. Это поразительное умение в конце стихотворения находить такие “ударные” строки, которые вызывают взрыв эмоций и комок в горле. Иногда они очень серьёзные, иногда подаются с тонкой иронией и юмором, но всегда — ударно эмоциональны. Например:

*Ах, как мы много голоду
Испытываем смолоду.
Морковь едим,
Щавель едим,
Ещё чего поест глядим.
Жадны, как черви, до кино —
Глядим любое, все равно.
Вихрастые мальчишки,
Вовсю глотаем книжки.
На сцене что ни ставится,
Нам до упаду нравится.
И только к старости зато
Нам всё на свете — ересь:
Щавель — не то,
Морковь — не то,
Любовь — не то...
Наелись.*

Теперь несколько слов о биографии А. Люкина для тех, кто не знаком с его творчеством. Александр Иванович родился 29 марта 1919 года в деревне Шковёрка Княгининского уезда Нижегородской губернии в обычной небогатой крестьянской семье. Суровый трудяга-отец, работающая любящая мать, семь братьев и сестёр. А Саша — старший из них. И значит, сам постоянно в трудах, брал у родителей трудовые и нравственные уроки. А с какой любовью-жалостью и с каким уважением поэт в своём творчестве впоследствии вспоминал маму!.. С какой доброй усмешкой описывает Александр Иванович трудовое крестьянское детство и отрочество в стихотворении “Король”. Какой искренний “Сыновний поклон” отвешивает он своему суровому, но заботливому отцу.

Неутомимо трудясь на крестьянском поприще, Саша в то же время жадно тянулся к знаниям. Когда отец не отпустил его учиться в семилетней школе, Саша упрямо записался туда сам. А окончив её в 1934 году, он, вопреки воле отца, видевшего в нём своего помощника в нелёгком крестьянском труде, настоял в 1936 году отпустить его в Нижний Новгород учиться рабочему ремеслу, жизни. Но уроки жизни отца и матери он помнил всегда. Из стихотворения “Сам”:

*Мне отец не покупал игрушек,
Он на ветер денег не бросал.
Он, бывало, надерёт мне уши
И сердито скажет:
— Делай сам.
<...>
Сам уехал от отца я в город,
Жил трудом,
Не верю чудесам.
И когда нужда брала за ворот,
С ней я расправлялся
Тоже сам.*

В Нижнем Новгороде (Горьком) до войны Саша осваивал рабочие профессии на заводах Сормова, жадно учился жизни в рабочем коллективе. В 1942 году ушёл на фронт, пройдя сначала десанником, а потом рядовым-минёром по трудным дорогам войны. Окончив военную службу в 1947 году, он вновь вернулся на завод. И вот тогда Александр начал писать стихи.

Вообще-то стихи Саша пробовал писать ещё в пятом классе, а затем тайно, потихоньку, — и на заводе, и на фронте. Это была “проба пера”. Его первое настоящее стихотворение было опубликовано в 1949 году в заводской многотиражке. Участвуя в литературном кружке завода, Александр продолжал совершенствовать своё поэтическое мастерство, добивался точности образа, силы строки. Не скоро, но его заметили.

В 1957 году Александр Иванович был приглашён участвовать в заседании оргкомитета Союза писателей РСФСР, где он был отмечен маститыми М. Светловым, А. Жаровым и другими. А в 1958 году вышла первая небольшая книга его стихов “Мои знакомые”. И уже вскоре (в 1961 году) он был принят в Союз писателей СССР, замечен критикой, направлен в Москву на Высшие литературные курсы при Литературном институте им. М. Горького. Два года учёбы и новая, уже значительная книга стихов “Жизнь” (1963), затем – “Беспокойство” (1965), “Судьбы” (1966), которые сделали его знаменитым, читаемым поэтом, названным в конце жизни “лучшим поэтом Волги”.

Это был заслуженный успех. Работая над стихами, Александр Иванович относился к своему творчеству так же, как к нелёгкому труду рабоче-крестьянскому – с высокой ответственностью и тщательностью, с глубоким ощущением чувства долга перед теми, о ком и для кого он писал, не допуская малейшего брака. Этому он учил и своих воспитанников из литобъединения “Волга”, которым ему довелось руководить.

По своему мировоззрению, мироощущению, по своему жизненному опыту Люкин оставался русским крестьянином, рабочим, рядовым солдатом. Рабочие и крестьяне России – это десятки миллионов людей, составляющие не только основную массу населения, но и нравственный костяк нашей страны. Их руками и умом создаётся национальное богатство, от хлебной нивы до громад космических кораблей. Эти люди как бы исчезли сейчас из поля зрения писателей и поэтов, журналистов и людей искусства. Эту пустоту мы ощущаем. Рабоче-крестьянские профессии сегодня – немодные. Молодёжь их избегает. Как же за это стыдно! Тем более надо знать и ценить замечательную поэзию Александра Ивановича Люкина.

Жизнь поэта трагически оборвалась в 1968 году. Ему не было ещё и пятидесяти лет. Названные выше четыре книги и две, вскоре посмертно изданные – “Раздумья” (1969) и “За хлеб, за соль” (1970) – небольшой, в сущности, поэтический багаж. Но он сделал Александра Ивановича заметным, любимым русским поэтом со своим совершенно самобытным народным языком, с яркой, узнаваемой поэтической манерой, проникнутой глубоким уважением и любовью к трудовому человеку, главной нравственной и трудовой силе нашего народа, о чём сегодня, к прискорбному сожалению, уже позабыли. А ещё в его поэзии звучит безусловная правда.

Хотелось бы, чтобы читатель ещё раз обратился к поэзии А. И. Люкина, прикоснулся к поэтическому чуду его творчества.